В этом номере мы вновь вернемся к воспоминаниям Александра Петровича Олферьева, земского начальника, помещика из Уды. И побудили нас к этому дневники Екатерины Алексеевны Федорчуковой, отрывки из которых мы публиковали ранее. Дело в том, что в ее рассказе часто фигурирует имя отчима, Николая Ивановича Тутенкова. Первоначально Николай Иванович приехал в имение, как гувернер для детей. Вскоре он проникся симпатией к матери Екатерины Алексеевны, это чувство оказалось взаимным. Поэтому все закончилось свадьбой. Впоследствии у них родилось двое детей, во время третьих родов в 1912 году Александра Михайловна умерла.

Следует заметить, что фигура Тутенкова **(на фото)** весьма интересна. Эсер по своим убеждениям, он принимал участие в событиях 1905 года. Позднее он перешел на сторону большевиков. В 1918 году был даже назначен председателем Пензенского ГУБ ЧК. В 1905 году он был одним из организаторов беспорядков в округе. Даже имение Олферьевых пытались сжечь. Но тогда Александру Петровичу удалось потушить пожар. Однако фамилия Тутенкова в его воспоминаниях не упоминается по вполне понятным причинам. Зато дана яркая картины происходящих событий в годы первой русской революции. Благодаря записям Екатерины Алексеевны и дневникам Александра Петровича Олферьева, мы можем составить полную картину событий тех мятежных лет. Правда, одни и те же эпизоды даются под разным ракурсом, но в целом дополняют друг друга рядом деталей. Речь пойдет о том, как проходил обыск в доме Федорчуковых.

По приезде в Уду я получил сведение от нашего полицейского урядника, что главные агитаторы ушли в село Жмакино к Федорчуковой. Я об этом никому ничего не сказал. Только казачьему уряднику сказал, чтобы утром казаки были бы наготове. Легли спать, а утром, часов в пять, я встал и разбудил помощника исправника и приказал казакам седлать лошадей. Исправнику я подробно рассказал о моих сведениях и что нам надо обыскать усадьбу Федорчуковой в селе Жмакине, а пока показать вид, что едем в Саранск. Напились чаю и поехали. Отряду казаков приказал следовать за нами. Нам надо было ехать через село Атемар, которое лежало по дороге на Саранск, и от него был сворот на Жмакино. Доехав до сворота, я приказал кучеру свернуть на Жмакино и остановиться, выехав из Атемара. Я дал приказ казачьему уряднику немедленно наметом (галопом) двинуться к селу Жмакину, лежавшему верстах в двух с половиной от нас, тихо охватить селение и стянуться к усадьбе, никого из усадьбы, не отпуская и в нее не допуская. Село было под горой, и все было отлично видно.

Казаки двинулись лавой (цепью) и быстро охватили село. Когда мы подъехали к усадьбе, то казаки уже стянулись к самому дому. Урядник доложил мне, что все выполнено согласно приказу, и никто из усадьбы не ушел, и только, что теперь видно, заволновались в доме.

Подъехав к подъезду, исправник вышел из экипажа и постучал в дверь. За дверью отозвались и на слова исправника: «Именем Закона прошу отворить двери», — сейчас же отворили двери. Мое положение было не особо приятное — хозяйка была моя родственница, дочь моего дяди Михаила Николаевича Кузмина. Я ей сказал, что приехал как местный земский начальник, дабы не было бы каких-либо осложнений. Исправник же сказал: «У вас в доме Козлов, и я прошу его позвать, а если его нет, я произведу его розыск и, кроме того, я произведу у Вас обыск». Хозяйка немного помялась и сказала: «Да, он у меня, вчера приехал». Ушла и скоро вернулась, а за ней шел Козлов. Исправник приказал уряднику принять Козлова под охрану часового, никого к нему не допускать и произвести у него обыск.

Все это было для меня крайне неприятно. После этого полицейские урядник и стражники начали производить обыск в доме и документы. Тщательный обыск не дал никаких результатов: взяты были какие-то пустяки, оружия не было — очевидно, что оно было спрятано. Один из агитаторов был арестован, что было очень важно. Впоследствии оказалось, что он лично произвел неудавшийся поджог в Уде. По окончании всех этих неприятных процедур хозяйка предложила нам выпить стакан чаю, отчего мы не отказались. Арестованный был отправлен с двумя стражниками на подводе в Саранск. Я и помощник исправника двинулись туда же. Казаков я поблагодарил и

выдал им денежную награду. Они были очень довольны и с песнями двинулись в путь. После этого пропаганда утихла, но все же главный агитатор не был задержан, говорили, что он пришел вскоре по нашему отъезду и сей же час исчез.

В семейном архиве потомков Екатерины Алексеевны бережно хранится огромное количество писем, фотографий, записей и иных документов, датируемых дореволюционными годами. И среди них настоящая реликвия — письмо к Александре Михайловне Федорчуковой в Жмакино от Николая Ивановича Тутенкова, находившегося в то время в ссылке. Невозможно не обратить внимания на сам стиль письма, проникнутый теплотой и лиризмом.

Письмо из Ивделя

г. Саранск Пензенской губ., с. Жмакино

Александре Михайловне Федорчуковой

1908 г. 20 июня

Шура! Я все еще в Екатеринбурге, но вероятно буду жить в Перми. Жду разрешения Губернатора. Не сердись, что мало пишу, но многое нужно рассказать, а не писать. Ты не беспокойся, ибо всё чепуха и выеденного яйца не стоит, а вышло все к лучшему. Возможно, что я и совсем через месяц? два вернусь в Пензу. Но во всяком случае, я надеюсь, что когда устроюсь в Перми и сообщу тебе адрес, то постарайся приехать ко мне. Теперь это будет близко и недорого. Можешь до Казани по ж/д, а оттуда на пароходе, или до Сызрани по ж/д, и там на пароходе. И так, и эдак втрое дешевле будет стоить, чем брать в Ивдель. Я почти уверен, что ты непременно прибудешь, если не с детьми, то одна, хотя бы на месяц. Я буду ждать, а ты теперь же начинай готовиться к отъезду. Ответ от Губернатора будет на днях телеграммой, за меня хлопочет уполномоченный по чрезвычайной охране его превосходительство господин Шаховский. Дело вероятно выгорит.

Пока будь здорова и весела. Целуй детишек. Как получу ответ, сообщу. Выздоравливай и приезжай. Крепко целую тебя, твой Коля.